

А. В. Баранов

К проблеме эзотеризма в литературе и философии Серебряного века

В статье рассматриваются некоторые аспекты многогранной эзотерической традиции, пронизывающей художественное творчество и философию Серебряного века русской культуры.

Ключевые слова: В. Соловьев, А. Блок, А. Белый, эзотеризм, символизм, теургия, каббала, христианская каббала

Aleksey V. Baranov

On the problem of esoterism in Russian literature and philosophy of the Silver Age

A number of Russian philosophers of the late XIX – early XX centuries tried to incorporate some kabbalistik ideas in their philosophical systems. Elements of Christian Kabbalah and occultism become a part of esoteric tradition in Russian literature.

Keywords: esoterism, symbolism, theurgy, kabbalah, Christian kabbalah, V. Soloviev, A. Blok, A. Bely

Тема тайного знания, пронизывающая русскую литературу и философию XIX – начала XX в., нашла свое предельно концентрированное выражение в отдельных текстах Серебряного века русской культуры. Новые коннотации получило в культуре Серебряного века укоренившееся в Европе со времен Ренессанса и периодически актуализируемое представление о научной и литературной деятельности как реализации потенциала единой цепи посвящения и исходящее из аксиомы универсальности тайной доктрины. В программной статье 1910 г. «О современном состоянии русского символизма» А. Блок, формулируя тезу символизма, отмечает: «...символист уже изначала – теург, т. е. обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие; но на эту тайну, которая лишь в последствии оказывается всемирной, он смотрит как на свою...»¹. Русский символизм, следовательно, в своей практической развертке может быть рассмотрен с точки зрения осуществленности мистериального действия². Следуя основным принципам эзотеризма, программа русского символизма с необходимостью включает понятие мистической школы³, очерчивает творческие горизонты, открывающиеся в инициации и индоктринации, при сохранении элементов стихийности – «подступов к Знанию (без осознания)»⁴. Вспомним, что период особенно интенсивного согласования позиций теоретиков зрелого символизма А. Блока и А. Белого – 1910 г. – совпадает с определенным этапом эзотерического строительства – попытками реализации замысла розенкрейцерской ложи под руководством А. Белого, В. Иванова и А. Минцловой⁵.

В повести «Серебряный голубь» (впервые

опубликована в журнале «Весы» за 1909 г.), которую А. Блок в упомянутой статье характеризовал как гениальную, тема тайного знания запечатлена в образе дачника, барина Шмидта, который «в Бога не верил, хотя и был православный». Жизненный выбор главного героя повести, Петра Дарьяльского, определяет разрыв отношений с неким мистическим братством: «И Петр потрясен: он вспоминает прошлые годы, когда Шмидт его судьбой руководил, открывая ему ослепительный путь тайного знания; он было уже чуть не уехал с ним за границу – к ним, к братьям, издали влияющим на судьбу...»⁶. Описание А. Белым рабочего кабинета Шмидта, как способ представления своеобразного оккультного компендиума, позволяет увидеть, как внешне эклектический перечень источников, принадлежащих к различным культурным традициям, под рукой мастера складывается в рецептуру спасения героя повести. Только представление об общих пропорциях системы тайного знания, ее целях, позволяет правильно оценить соотношения разнородных элементов, выявить их подлинное место в структуре доктрины, измерить тот внеисторический вклад, который вносит то или иное исторически вызревающее учение в сокровищницу эзотеризма. В композиции источников, выстроенной А. Белым на книжных полках Шмидта, на первый план выходят книги каббалы, учения, вполне условное наименование которого всегда широко использовалось как маркер тайного знания вообще (например, в «Серебряном голубе» – «кабалистика» как элемент путаного мировоззрения студента Чухолки). Центр данной композиции образует раскрытая страница каббалистической книги «Зогар»,

всегда золотящаяся в солнечном луче – сочетание, отсылающее к символике розенкрейцеров⁷, так как текст «Зогара» открывается комментарием раби Хизкии на Песнь Песней, 2: 2: «Как роза среди колючек, любимая моя среди девушек».

Употребленный А. Блоком термин «теургия» восходит к «строгому языку» В. Соловьева, которого А. Блок в той же статье называет своим учителем. В «Философских началах цельного знания» В. Соловьев вводит понятие теургии в контекст единства мистического творчества. Одна из линий сложной герменевтической генеалогии теургического⁸ и софийного начал творчества В. Соловьева и его последователей, А. Блока и А. Белого, восходит к целостному комплексу первоисточников, объединенному традицией иудаистического эзотеризма.

Характеризуя влияние каббалы как доктрины на формирование взглядов В. Соловьева, большинство исследователей оставляет открытым вопрос о круге первоисточников, к которым имел доступ и с которыми работал философ в библиотеке Британского музея, а также о степенях (включая языковую подготовку) их усвоения и проработки В. Соловьевым. Н. Лосский в «Истории русской философии», ссылаясь на Д. Стремоухова, говорит о влиянии каббалы на учение В. Соловьева о Софии, но наиболее важным источником соловьевской софиологии полагает личный мистический опыт философа⁹. А. Лосев, отмечая множество пунктов полной противоположности философии В. Соловьева средневековой каббале, склоняется к радикальному методологическому решению: «вопрос о каббалистических истоках соловьевского учения – вопрос довольно темный и, может быть, для нас вовсе не является вопросом»¹⁰. Г. Флоровский, чьи экуменические идеи объективно во многом противостоят проектам объединения церквей В. Соловьева, в письме теоретику софиологии С. Булгакову настаивает на нецерковных истоках вдохновения философа, представляя их весьма эклектично: «Как уже давно я говорил, есть два учения о Софии и даже – две Софии, точнее сказать, – два образа Софии: истинный и реальный и – мнимый. Во имя первого строились святые храмы в Византии и на Руси. Вторым вдохновлялись Соловьев и его масонские и западные учителя, – вплоть до гностиков и Филона. Церковной Софии Сол<овьев> вовсе не знал: он знал Софию по Бему и бемистам, по Валентину и каббале. И это софиология – еретическая и отреченная»¹¹. С. Аверинцев предупреждает высокую экуменическую конференцию об опасности эротического отношения к женственному образу Софии, предельно сближая в этом каббалистическую разработку темы Шехины и прояв-

ления культуры русского декаданта начала XX в. «непроизвольно пародировавшего слабости первичной интуиции Владимира Соловьева»¹². Современный исследователь еврейской каббалистической традиции К. Бурмистров подвергает дифференцированному рассмотрению спектр возможных каббалистических влияний на творчество русского философа: «...в своих христианизующих толкованиях Соловьев резко расходится и с еврейской, и с классической христианской каббалой; в то же время его подход типологически подобен подходу той ветви энтузиастов изучения каббалы, развитием которой явились масонская каббала и позднейший оккультизм»¹³. Сам В. Соловьев, автор многих статей на еврейские темы, знакомый с современной ему европейской литературой по еврейскому вопросу, не увязывает его с религиозной эзотерикой и не сводит ее на научную литературу о каббале. Однако круг его личного общения открывал перспективу изучения мистического течения в иудаизме. Решающую роль здесь сыграло знакомство с гебраистом, редактором Еврейской энциклопедии бароном Д. Гинцбургом¹⁴. В предисловии к статье этого выдающегося знатока иудейского мистицизма В. Соловьев характеризует «каббалистическую теософию» как «целое своеобразное мирозерцание, слагавшееся в течение долгих веков» и не сводимое ни к гностицизму, ни к античному неоплатонизму¹⁵. Кроме того, В. Соловьев подготовил статью «Каббала» для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Особо следует отметить зависимость русских авторов второй половины XIX – начала XX в. от немецких и французских переводов каббалистических первоисточников. Характерно, в этом смысле, признание А. Лосева: «Нам, без знания языка каббалы, который отличен и от языка Талмуда и от ветхозаветного языка, трудно высказываться по этим вопросам более или менее компетентно. Но автор настоящего исследования знаком с французским и немецким переводами каббалы, в течение столетий возникавшей из отдельных трактатов и кодифицированной в XIII в.»¹⁶. В 1910 г. на русском языке вышла «Каббала» мэтра оккультизма Папюса с приложением трактата «Сефер Йецира» в переводе с французского. В предисловии к данному трактату переводчик Талмуда Н. Переферкович рекомендует его читателю как продукт христианской каббалы, что было взято на вооружение софиологом П. Флоренским, ссылающимся на авторитет Папюса в труде «Столп и утверждение истины». С. Булгаков в сочинении «Свет невечерний», «не владея достаточно еврейским языком», опирается на немецкие переводы Эриха

Бишоффа и французский перевод книги «Зогар» Жана де Паули, который называет драгоценным вкладом в европейскую литературу. Позднее Г. Шолем охарактеризует этот шеститомный труд как совершенно фантастический перевод, который «полон искажений и фальсификаций, а также сопровождается огромным количеством ложных ссылок и цитат, часто относящихся к книгам, которые их не содержат вовсе, или же к произведениям, которых просто не существует»¹⁷. Арамейско-еврейский оригинал ключевого каббалистического сочинения, книги «Зогар», изобилующий странными грамматическими конструкциями и ошибками, неологизмами и архаизмами, сохранивший следы средневекового арабо-испанского культурного влияния, до сих пор остается камнем преткновения для европейской и отечественной науки.

С историей перевода «Зогара» на латинский язык непосредственно связан сюжет, закрепляющий особую инициатическую роль женщины в формировании доктрины так называемой христианской каббалы, что обнаруживает глубинные созвучия с культом Вечной Женственности и Прекрасной Дамы. Один из основоположников христианской каббалы, философ-мистик XVI в. Гийом Постель, будучи исповедником некой сестры Джоанны, увидел в ней воплощение Души мира, духовную наследницу Орлеанской Девы, пришедшую искупить грех Евы. Джоанна призвала философа перевести книгу «Зогар» на латынь и вдохновила его своей мудростью.

Христианская каббала в европейской культурной традиции стала зыбким эзотерическим мостом не только между религиозными мирами христианства и иудаизма, но и между двумя началами в христианстве, о которых, в частности, напоминал А. Блок в полемике с А. Вольтским¹⁸. Апеллируя не столько к историческим исследованиям, сколько к собственной внутреннему опыту, А. Блок свидетельствует о борьбе двух «раздирающих христианство» принципов: «иудейско-рационалистического» (исходящего из библейского творческого акта мысли – «создания мира из ничего, из мысли, из чистого духа») и «чисто арийского», запечатленного в веданте, учении Платона, гностиков, платоновской традиции в итальянском Возрождении, йенском романтизме и русском символизме рубежа XX в. Христианская каббала, с одной стороны, питается от библейского ветхозаветного источника, непосредственно связанного с еврейской этнорелигиозной традицией, с другой – претендует на надконфессиональный и надэтнический универсализм, культивируемый в традициях европейских тайных обществ.

Формированию пространства христианско-иудейского диалога способствовало мощное экуменическое и филосемитское движение в русской культурной среде начала XX в. (во многом вдохновленное статьями и гражданской позицией В. Соловьева) равно как и встречное движение в среде еврейской интеллигенции¹⁹. Особой составляющей этого многогранного процесса стала деятельность русских символистов и близких к ним литераторов (В. Иванова, В. Брюсова, Ю. Балтрушайтиса, Ф. Сологуба, В. Ходасевича и др.) по переводу и популяризации поэзии на иврите, возрождаемом библейском языке. Перед новой ивритской культурой, несущей в себе борьбу и сочетание религиозной эзотерики и светской просветительской традиции, цельные художественные миры, созданные А. Блоком и А. Белым, предстали и великим соблазном, и высоким ориентиром.

Примечания

¹ Блок А. О современном состоянии русского символизма // Собр. соч.: в 6 т. Л., 1982. Т. 4. С. 142.

² «Русская революция <...> и все ее исторические, экономические и т. п. частичные причины получают свою высшую санкцию <...> революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах; она и была одним из проявлений помрачения золота и торжества лилового сумрака, т. е. тех событий, свидетелями которых мы были в наших собственных душах. Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. <...> И сама Россия в лучах этой новой <...> гражданственности оказалась нашей собственной душой» (там же. С. 146–147).

³ «Ты – одинокий обладатель клада; но рядом есть еще знающие об этом кладе <...>. Отсюда – мы: немногие знающие, символисты. С того момента, когда в душах нескольких людей оказываются заложенными эти принципы, зарождается символизм, возникает школа» (там же. С. 142).

⁴ Термин А. Белого, примененный им к творчеству А. Блока.

⁵ См.: Богомолов Н. А. К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX в. и оккультизм. М., 1999. С. 186–202.

⁶ Белый А. Избранная проза. М., 1988. С. 162–163.

⁷ Ср. у А. Блока: «Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно – и пронзает сердце теурга. Уже начинает сквозить лицо среди небесных роз; различается голос; возникает диалог, подобный тому, который описан в „Трех Свиданиях“ Вл. Соловьева; <...> Голос говорит: „Будь в Египте“» (Блок А. Указ. соч. С. 143).

⁸ Задачей теургии по В. Соловьеву является «осуществление человеком божественных сил в самом реальном бытии природы» (Соловьев В. С. Сочинения. М., 1988. Т. 1. С. 743).

К проблеме эзотеризма в литературе и философии Серебряного века

⁹ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 173.

¹⁰ Лосев А. Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 248.

¹¹ Письма Г. Флоровского С. Булгакову и С. Тышкевичу // Символ. Париж. 1993. № 29. С. 205.

¹² Аверинцев С. Софиология и мариология: предварит. замеч.: докл. на конф. «София – мост между двумя Европами», Рим, 25–27 марта 1996 г. // Новая Европа. Милан; М., 1997. № 10. С. 94.

¹³ Бурмистров К. Каббала в русской философии: особенности восприятия и истолкования // Вестн. Еврейск. ун-та. М.; Иерусалим, 2000. № 4 (22). С. 43.

¹⁴ «По части еврейской мистики в русском обществе

не только нет специалистов, но даже дилетанты, как например, способные понять и оценить чужой ученый труд, считаются единицами...» (письмо В. Соловьева барону Д. Гинцбургу. Цит. по: Бурмистров К. Указ. соч. С. 66).

¹⁵ Цит. по: Бурмистров К. Указ. соч. С. 61.

¹⁶ Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 247. А. Лосев на основе немецких и французских переводов приходит к заключению, что каббала есть «какой-то мистический социализм, совершенно чуждый античности».

¹⁷ Цит. по: Бурмистров К. Указ. соч. С. 50.

¹⁸ Блок А. О иудаизме у Гейне: по поводу докл. А. Л. Волынского // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 146.

¹⁹ См.: Бар-Йосеф Х. Стихи Бялика в переводах Александра Горского // Вестн. Еврейск. ун-та. М.; Иерусалим, 2002. № 7 (25). С. 295–334.